

СОВЕТСКАЯ КУЛЬТУРА

НАШ ОХЛОПКОВ

ПАМЯТИ БОЛЬШОГО ХУДОЖНИКА

ИЗВЕСТИЕ о кончине Николая Павловича Охлопкова застало меня в гастрольной поездке. Все мы, актеры Театра имени Владимира Маяковского, знали о тяжелой болезни нашего главного режиссера. И все же известие о его смерти потрясло.

В этот день мы играли «Медею». Было трудно. Но спектакль состоялся. Спектакль, который был создан выдающимся художником-режиссером Н. П. Охлопковым — теперь уже покойным...

Впервые с Николаем Павловичем мне довелось встретиться в конце 1943 года. Кому неизвестно, каким тяжелым был этот военный год? Я был тогда с экспедицией на съемках кинофильма и вдруг получаю телеграмму из Москвы за подписью — Охлопков. Он приглашал меня к себе в Театр драмы. Тогда я был молод, если не сказать юн, и меня поразило, что знаменитый Охлопков где-то, когда-то заметил мои работы. Возможно, что это предложение основывалось на том, что я начинал свою работу в театре имени Вс. Мейерхольда, учеником которого себя считал Николай Павлович.

Первый же спектакль, поставленный Охлопковым в Театре драмы, потряс и актерский состав, и зрительный зал художническим размахом, темпераментом, режиссерской индивидуальностью. Это была пьеса Гусева «Сыновья трех рек». Я исполнял в ней роль лейтенанта Алексея. Сцена представляла собой земной шар, на котором столкнулись судьбы, интересы и характеры русских, французских, немцев. Николай Павлович добился от актерского состава полного обнажения драматического конфликта, что придало спектаклю высокий эмоциональный накал.

Годы многое стирают в памяти. То, что когда-то казалось главным, существенным, становится едва различимым, а то, что представлялось незначительным, вдруг приобретает ценность памяти сердца. Но как бы ни менял калейдоскоп событий наши представления, есть такие, которые остаются навсегда праздниками жизни. Таким праздником был для нашего театра спектакль «Молодая гвардия».

— В этой постановке, как ни в какой другой, — говорил нам тогда Николай Павлович, — актер должен быть предельно искренним в материале своей роли, потому что нам предстоит воссоздать современника, нашего молодого советского современника, как личность общественную.

Николай Павлович обладал удивительной особенностью. Его режиссерский замысел доходил до актера предельно точно. Нет, это не было чтением какого-то доклада или лекции, а просто движение плечом, наклон головы, жест.

Работа над «Молодой гвардией» захватила весь коллектив, а спектакль в дальнейшем определил судьбы многих тогда молодых актеров, раскрыл и в артистах более раннего поколения новые грани их дарований.

С чувством высокого удовлетворения я думаю сейчас о том, что день премьеры «Молодой гвардии» явился тогда праздником советского театрального ис-

кусства. Николай Павлович был вдохновителем и создателем этого праздника.

У Хемингуэя есть книга о Париже, названная в честь этого города «Праздник, который всегда с тобой». Память моего сердца хранит все дни работы над постановкой «Молодой гвардии» как праздник. И он всегда со мной. Николай Павлович в те месяцы столько привнес в нас, актеров, эстетического, художественного, человеческого, что можно только поражаться, как в одном человеке могли вмещаться такие духовные богатства и силы.

В отношении к этому спектаклю проявилась, пожалуй, основная черта Н. П. Охлопкова как художника и как руководителя — это увлеченность и неустанный поиск самых точных сценических решений. Работал над постановкой Николай Павлович с утра до ночи, работал, как каменщик, выстраивая спектакль.

Трудно найти в практике более удачное сочетание устремлений режиссера и того имени, которое носит наш театр, имени — Владимир Маяковский. Николай Павлович был новатором во всеобъемлющем значении этого слова. Но поиск новых решений не заслонял перед этим человеком того громадного духовного наследия, которое оставила нам классика. Диапазон творчества Н. П. Охлопкова чрезвычайно широк: Еврипид, Шекспир, Островский, современная драматургия, постановка опер и массовых революционных действ, актерское исполнение ролей.

С чувством глубочайшей признательности Н. П. Охлопкову я вспоминаю работу и над ролью Гамлета. По всей вероятности, Николай Павлович очень долго готовился к постановке этой трагедии Шекспира. Репетиции длились около года. Надо вспомнить, что в середине пятидесятых годов «Гамлет» у нас нигде не ставился.

Николай Павлович работал скрупулезно. Мизансцены находились и отвергались. Датское королевство, в котором не споконно, по мысли Н. П. Охлопкова, должно было предстать как тюрьма, где томится великий гуманист своего времени. Этому было подчинено и оформление спектакля, осуществленное В. Рындиным. От меня, как исполнителя роли Гамлета, Николай Павлович требовал показать мятущуюся душу, втиснутую в замок Эльсинор, в жалкий мир лугов, карьеристов, чванливых подлецов. Долгие месяцы мы добивались органического сочетания интеллекта и душевной красоты в создаваемом образе.

В репертуаре нашего театра появился Шекспир. За далью времени мне представляется этот спектакль большой удачей, в некотором роде важным творческим этапом нашего коллектива.

Очень радостно бывает жить рядом с большим человеком. Чехов, например, радовался, что живет в одно время с Толстым и что если он, Чехов, чего-то не сделает, не заметит, не успеет, то Толстой-то уж доработает. С таким же ощущением я жил многие и многие годы. Охлопков был рядом. В одной из пьес Л. Леонова героиня говорит: «Если уносят из дома или из сердца самое дорогое, наступает тишина». То, что произошло, еще не вполне осознано. Боль утраты не позволяет сосредоточиться. Но, вспоминая прожитое, перебирая в памяти все этапы творческой работы театра, вспоминая все часы и минуты встреч, делается грустно. Наступает тишина. Он вел нас твердо, руководил, воспитывал, учил, вдохновлял. Спасибо, огромное, актерское, человеческое.

Е. САМОИЛОВ,
народный артист РСФСР.